

В.П. Берков

НОВОЕ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Общая тема «новое в норвежском языке» охватывает ряд частных вопросов: изменения в социолингвистической ситуации, изменения в узусе, изменения в звуковом строе языка, изменения в грамматике и изменения в лексике. Они будут рассмотрены порознь.

1. ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

1.1. Социолингвистическая ситуация каждого языка, в общем, уникальна. Языковая ситуация в Норвегии особо специфична. Чтобы понять ее, необходим хотя бы краткий экскурс в историю; он, естественно, будет несколько упрощенным и схематизированным.

В XIV в. Норвегия подпадает под власть Дании и норвежский язык постепенно вытесняется датским из всех официальных сфер. Такое положение сохраняется до начала нынешнего столетия.

При этом важны три момента.

1.1.1. Датский язык, хотя и близок к норвежскому, отличается от него в ряде отношений. Особенно велики различия между этими языками в области фонетики. Показательно, что современный норвежец, не имеющий достаточно большого опыта общения с датчанами, понимает датскую устную речь плохо, а иногда и вовсе не понимает. Чтение же датских текстов практически не представляет для норвежца никаких трудностей.

1.1.2. Датский язык был в Норвегии языком официальным. Широкие массы (прежде всего крестьянство, составлявшее в прошлом веке до

90% населения) говорили на диалектах, развившихся из древненорвежских.

1.1.3. Этот датский язык в Норвегии, особенно в устном варианте – даже лиц образованных, характеризовался рядом черт, существенно отличавшим его от норм литературного датского. Наиболее значительные отличия были в фонетике, но они имелись также в грамматике (в морфологии и синтаксисе) и, естественно, в лексике. Даже в произведениях Людвига Хольберга (1684–1754), норвежца по происхождению, ставшего впоследствии классиком датской (как, впрочем, и норвежской) литературы, профессором и ректором Копенгагенского университета, насчитывается множество так называемых норвегизмов (специфически норвежских черт), особенно в ранних произведениях; по свидетельству современников, он до конца жизни так и не освоил датской фонетики. Язык, которым пользовались в своих произведениях Ибсен, Хьелланн, Ли и другие виднейшие писатели XIX в., называли датско-норвежским (dansk-norsk).

Между тем политической основы датского языка в Норвегии не стало, когда Норвегия в 1814 г. из датской провинции превратилась в самостоятельное государство, правда находившееся в унии со Швецией. Естественно, встал вопрос о собственном национальном языке. Теоретически были возможны два пути: 1) «норвегизация» используемого варианта датского языка; 2) создание принципиально нового варианта языка на основе норвежских диалектов.

Опуская подробности, отметим, что были использованы оба пути, что и привело к языковой ситуации, не имеющей параллели в мире.

В результате действий сторонников первого пути – но лишь в XX в. – при помощи орфографических реформ был создан основной вариант норвежского языка – риксмол (riksmål); с 1929 г. официальное название его – букмол (bokmål).

В середине XIX в. талантливый филолог-самоучка Ивар Осен (Ivar Aasen, 1813–1896) синтезировал на основе различных диалектов вариант норвежского языка, названный им ланнсмол (landsmål); при этом Осен отдавал предпочтение архаичным формам. В силу ряда социальных и политических причин ланнсмол получил к концу века относительно широкое распространение. С 1929 г. официальное название этого варианта норвежского языка – «новонорвежский» (nynorsk).¹

Как упомянуто выше, было проведено несколько орфографических реформ, в результате которых риксмол/букмол стал более или менее адекватно отражать норвежское произношение, ср. дат. gribe ‘хватать’, gade

‘улица’, bog ‘книга’, tak ‘спасибо’, ø ‘остров’, sten ‘камень’ и совр. норв. gripe, gate, bok, takk, øy, stein. Однако реформаторы этим не ограничились. Был введен ряд форм – сначала в качестве факультативных, т.е. параллельных к «традиционным», затем превращенных реформой 1938 г. в обязательные. Последнее требует комментария.

Одной из основных таких форм, которые были легализованы реформой 1917 г., был особый показатель женского рода – суффиксированный артикль -a, например, dør ‘дверь’ – døra, bok ‘книга’ – boka. В датском языке только два грамматических рода – общий (в который слились бывшие мужской и женский) и средний; то же было характерно для датско-норвежского. Специфическая форма женского рода была – и в значительной мере остается – формой разговорной и у ряда лексем даже просторечной. Чтобы русскому читателю было более понятно, о чем идет речь, приведем аналогию (хотя, как известно, все сравнения приближительны). Реакция образованных слоев норвежского населения на формы женского рода была примерно такой, как мы бы реагировали на официальную и потому обязательную замену форм *его, ее, их* в функции притяжательного местоимения на «народные», «демократические», «исконно русские» и т.п. формы *евонный, ейный, ихний*, а формы *класть, начать* на *лôжить, нáчать*, при этом были бы допущены как факультативные формы *таперича, туцай, мага́зин, сосиськи, у ей, с им, к мамы, у маме* и т.п. Реформой 1938 г. был дан список на 900 с лишним слов, которые обязательно следовало употреблять с артиклем женского рода, и еще более сотни слов, где он был факультативен (т.е. допускался артикль мужского, – по существу, общего – рода). Многим школьникам (да и учителям) пришлось зубрить наизусть эти списки, поскольку ни сами они, ни в их семье так не говорили. Реформа затронула и ряд других грамматических показателей, и фонемный состав многих слов. Нереалистичная языковая реформа, не отражавшая речевой практики образованных, наиболее авторитетных слоев населения, вызвала резкую ответную реакцию, выразившуюся прежде всего в том, что эти правила сразу же стали игнорироваться большинством пишущих. В частности, ни одна газета той поры не соблюдала ее в полной мере. Так произошло, на наш взгляд, самое роковое в норвежской языковой политике – утрата народом уважения к официальной языковой норме. Укоренилось мнение, что норму эту можно игнорировать.

Реформаторы 1938 г. преследовали в принципе благую цель: сблизить букмол с «новонорвежским» для того, чтобы постепенно оба эти варианта слились в единый «общенорвежский». Однако, как показал по-

учительный опыт Норвегии, такие волевые языковые реформы, «языковое планирование», какими бы благородными ни были мотивы реформаторов, терпят неудачу. Еще один факт. В 1951 г. был официально введен так называемый новый способ счета, при котором десятки предшествуют единицам (как в русском или английском) вместо старого, при котором порядок обратный (как в немецком). Прошло без малого полвека. Примерно половина норвежцев пользуется новым способом счета, а половина – старым, например одни обозначают число 83 как åttitre, другие – как treogåtti (ог ‘и’). Нет нужды говорить о том, как это неудобно.²

Реформаторы хотели сделать языковую норму «демократией для всех». Но норма – это всегда известное принуждение, она по определению не может быть полностью демократичной. Не учитывали они и того важного момента, что человек не хочет, да и не может резко менять свою языковую практику.

Более успешным было реформирование «новонорвежского». Архаичный осеновский вариант был сильно модернизирован, в значительной степени переориентирован на восточно-норвежские диалекты.

В 1981 г. были приняты «Изменения в орфографии и норме школьных учебников». Они означали, по сути дела, капитуляцию реформаторов букмола. Почти все «радикальные» и «традиционные» формы – это касается прежде всего грамматических показателей, но во многих случаях и фонемного состава слова – уравниены теперь в правах. Например, лексема со значением ‘рука (запястье)’ (ср. англ. hand, нем. Hand и др.) имеет теперь два варианта: h nd и hand, – каждый из которых можно употреблять как с артиклем мужского, так и с артиклем женского рода, т.е. официально допустимы 4 (!) формы – h nden, h nda, handa и handen (последняя, правда, не должна использоваться в учебниках); ср. «традиционный» букмол – только h nden, «традиционный» «новонорвежский» – только handa.

1.2. Нынешняя языковая ситуация в Норвегии характеризуется следующими чертами.

1.2.1. Неравномерное соотношение букмола и «новонорвежского». Букмолем пользуются более 83% норвежцев, «новонорвежским», следовательно, менее 17%. Последний всего больше представлен на западе страны. Более 90% печатной продукции выходит на букмоле. В школе обучение ведется на одном из вариантов – по желанию большинства родителей учеников данного класса, а это, как понятно, предполагает, что каждый школьный учитель может преподавать как на букмоле, так и на «новонорвежском». Другой вариант также преподается в обязательном

порядке, но ученики, обучающиеся на букмоле, овладевают «новонорвежским», как правило, лишь пассивно. На радио и телевидении 25% времени вещание должно быть на «новонорвежском». Все законы, официальные распоряжения и т.п. издаются в двух вариантах. По действующим правилам лицу, обращающемуся в официальные инстанции, положено отвечать на том варианте, которым это лицо пользуется.

Норма как букмола, так и «новонорвежского» сейчас настолько многовариантна, что, в сущности, может считаться нормой с очень большой натяжкой. Характерно, что в последнем издании орфографического словаря букмола,³ в котором зафиксирована официальная норма, не содержится никаких рекомендаций, а различные показатели (суффицированный артикль, т.е. указание на род существительного, суффиксы претерита и причастия II и т.п.) приведены при лемме в алфавитном порядке, например *bøtte* 'ведро' ..a e1. ('или')-n, *dronning* 'королева' -a e1. -en. Между тем около 80% жителей Осло употребляет разговорное слово *bøtte* с артиклем -a (*bøtta*), а 95% – слово *dronning* с артиклем -en (*dronningen*). Слабые глаголы I класса снабжены в этом словаре показателями -a/-et, -a/-et (суффиксы претерита и причастия II), хотя с книжными глаголами -a/a- использует едва ли 5% жителей Осло. Нынешняя установка нормализаторов, стремящихся к «языковому миру», – ничего не навязывать, разрешать (почти) все мыслимые формы.

1.2.2. Все большая роль диалектов. Их использование на радио и телевидении приобретает все более широкие масштабы и, в сущности, поощряется. Это имеет, естественно, и положительные, и отрицательные стороны. Позитивное состоит, в частности, в том, что благодаря этому норвежец с детства знакомится с разными диалектами (а диалектные различия в Норвегии весьма значительны), учится их понимать. Негативным является еще больший разноречив в речи, расшатывание и без того крайне нечеткой нормы.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В УЗУСЕ

2.1. Все названные выше факты привели к несомненной демократизации букмола – если под демократизацией языка понимать использование в официальных ситуациях общения форм, еще сравнительно недавно считавшихся нелитературными, разговорными, просторечными и даже вульгарными. Процесс языковой демократизации затронул, например, даже такую традиционную цитадель консервативного риксмолла,⁴ как газета «Aftenposten».

Впрочем, как отмечают наиболее здравомыслящие норвежские лингвисты, неясно, является ли эта демократизация букмола следствием долгих усилий нормализаторов, либо же она вызвана общей демократизацией норвежского общества. Скорее всего, верна последняя точка зрения.

Демократизация языка проявляется в нескольких чертах современного языкового зууса.

Прежде всего это постепенное превращение разговорных фонетических и грамматических форм в нейтральные и потому употребительные в официальной речи. Об этом будет сказано ниже в соответствующих разделах.

Далее, она проявляется в нескольких процессах, особенно в двух, на первый взгляд взаимоисключающих, характеризующих проф. Э. Люндебу в его интересной работе,⁵ интимизацией и брутализацией речи; ниже будут широко использованы результаты этой статьи.

2.2. И н т и м и з а ц и я (термин был в свое время предложен шведским лингвистом У. Телеманом) находит свое выражение в ряде черт современной норвежской речи.

2.2.1. Почти полное вытеснение «вежливого» местоимения De [di:] 'вы' (в обращении к одному лицу) местоимением du [du:] 'ты'. «На ты» теперь обращаются друг к другу незнакомые люди на улице, продавец и покупатель, врач и пациент, студент и профессор, директор и рабочий и т.д. Даже старшее поколение в целом перешло на эту форму обращения.

Характерно, что «вежливое» местоимение De уже давно не используется в обращении к нескольким лицам, его полностью вытеснило местоимение dere. Таким образом, во множественном числе давно нет различия «вежливого» и «невежливого» обращения (как, кстати, нет его и в русском).

2.2.2. Широкое использование личных имен в обращении, особенно среди коллег. Это сравнительно недавнее явление: еще лет десять назад наиболее распространенным, нейтральным было обращение по фамилии, например du Olsen 'ты, Ульсен', du Berg 'ты, Берг'.

2.2.3. Более интимными, точнее – менее официальными, стали в основном формы приветствия. Традиционные god dag 'добрый день', god kveld 'добрый вечер', på gjensyn 'до свидания' и аналогичные употребляются молодым поколением все реже и все больше вытесняются фамильярными hei 'привет; пока' (из шведского), ha det – досл. 'имей это' (< ha det bra – досл. 'имей это хорошо', т.е. 'всего хорошего') ≈ 'будь; всего'.

Произносимое при прощании *ha det* все чаще заменяет даже довольно фамильярное *topp* 'а 'пока'.⁶

2.2.4. Значительно сузился репертуар «формул вежливости». Так, для смягчения побуждения сейчас используются фактически только несколько вариантов значения 'пожалуйста': *vær så snill, ...er du snill, ...takk* – досл. 'спасибо'. Впрочем, это явление интернациональное, ср. вышедшие или выходящие из употребления русские формулы типа *не откажите в любезности..., соблаговолите..., позвольте попросить вас..., не считите за труд...* и аналогичные, используемые, правда, порой шутливо, как и их норвежские аналоги.

2.2.5. Практически не употребляются в обращении к одному лицу слова типа *ægede* 'уважаемый'. Слово *høystærede* 'глубокоуважаемый' вообще используется только иронически или шутливо. В заключении письма формулы типа *с уважением, с глубоким уважением* полностью заменены формулами (*med*) (*vennlig*) *hilsen* 'с (дружеским) приветом'.

2.2.6. Все больше выходят из употребления традиционно использовавшиеся перед фамилиями слова *herr* 'господин', *fru* 'госпожа', *frøken* 'барышня, мадемуазель' (обращение к незамужней). Кстати, слово *frøken* приобрело специфическое значение – 'учительница младших классов' (независимо от того, замужем она или нет), ставшее теперь наиболее частотным.

2.3. Широкое распространение получило использование э в ф е м и з м о в. Оно особенно характерно в двух сферах.

Во-первых, эвфемистические замены используются при обозначении мало престижных профессий или должностей, ср. (слева от стрелки приводится старое название): *skurekone* 'поломойка', *vaskekone* 'уборщица' → *rengjøringsassistent* – досл. 'ассистент по уборке', *søppelkjører* 'мусорщик' → *renovasjonsarbeider* – досл. 'рабочий по очистке' и т.п.⁷

Во-вторых, эвфемизмы употребляются вместо слишком прямых и потому «обидных», «ранящих» наименований, ср. *gamlehjem* – досл. 'дом для старых', т.е. 'дом для престарелых' → *aldersheim* – досл. 'возрастной дом', т.е. 'дом для лиц, достигших определенного возраста' (*heim* – более новая форма для *hjem*), *eldresenter* 'центр для пожилых' и т.п.⁸ О человеке с отклонениями в психике говорят, что у него *nerveproblemer* 'проблемы с нервами'. Некоторые из подобных эвфемизмов как бы снимают с обозначаемого ими лица ответственность за его предосудительное поведение или состояние и представляют его жертвой некой внешней силы. Так, слово *alkoholiker* 'алкоголик', которое приобрело резко отрицательную коннотацию, нередко заменяется словом *alkoholskadd* – досл. 'по-

врежденный алкоголем’, т.е. ≈ ‘жертва алкоголя’; ср. также замену *ungdomsforbrytere* ‘молодые преступники’ → *miljøskadd ungdom* ‘молодежь – жертва среды’.⁹ Э. Люндебю называет такое употребление эвфемизмов *гуманизацией речи*.

2.4. Близко к описанным явлениям и усилившееся в последние годы стремление к речевому *украшательству*.

2.4.1. Оно проявляется в использовании модных и *ноязычных слов* как более престижных. Они употребляются говорящим для демонстрации собственной «образованности» или при желании дать более «звучное» название чему-либо, особенно магазину, предприятию и т.п. Последнее можно проиллюстрировать следующим примером из современной норвежской прозы: *Det fantes ikke engang vanlige frisører, nå var det hårolog, hårotek og hairport* (Lars Saabye Christensen) – ‘Не было даже обычных парикмахерских, теперь они назывались *hårolog* (от *hår* ‘волосы’, *-olog* ‘-олог’), *hårotek* (ср. *bibliotek, videotek, discotek*) и *hairport* (англ.)’.

Широко употребляются, нередко без необходимости, такие модные иностранные слова, как, например, *ambisiøs* ‘амбициозный’, *evaluere* ‘оценивать’, *fasiliteter* ‘удобства (в квартире и т.п.)’, *image* ‘имидж’, *kommunisere* ‘общаться’, *motivasjon* ‘мотивация’, *nisje* ‘ниша’, *polarisering* ‘поляризация’, *relevant* ‘релевантный’, *stigmatisere* ‘клеить; ставить печать неполноценности’ и множество других. Впрочем, модными становятся, разумеется, не только иностранные слова.

2.4.2. Другой тип речевого украшения заключается в *гиперболизации* – использовании неадекватно сильных, «потенцированных» слов. Норвежские лингвисты называют это явление *språklig doping* ‘языковой допинг’ (по-датски его называют *sproglig bodybuilding* ‘языковой культуризм’). К числу таких гиперболических слов и словосочетаний относят, например, употребляемые сверх меры, особенно в средствах массовой информации, единицы типа *katastrofe* ‘катастрофа’, *krise* ‘кризис’, *drama* ‘драма’, *tragedie* ‘трагедия’, *massakre* ‘бойня’, *sjokk* ‘шок’, *heltedåd* ‘героический поступок’, *kjempe en desperat kamp* ‘вести отчаянную борьбу’ и т.п.¹⁰ Э. Люндебю относит такое употребление к *брутализации речи*¹¹ (см. ниже); мы склонны трактовать это несколько иначе.

2.5. Проф. Люндебю отмечает такую черту современной норвежской речи, как *феминизация*. В борьбе за равноправие норвежские женщины добились больших успехов (в нынешнем норвежском правительстве больше женщин министров, чем в какой-либо другой стране). Это нашло свое языковое отражение в нескольких аспектах.

2.5.1. Замена полусуффикса *-mann* – досл. ‘мужчина’ – в названиях должностей на новый полусуффикс *-kvinne* – досл. ‘женщина’ – при обозначении женщин, например пресс-секретарь женщина – *talskvinne*, мужчина – *talsmann*. Однако неологизм *forkvinne* ‘женщина председатель’ (ср. *formann* – о мужчине) не прижился.

2.5.2. Замена слов с полусуффиксом *-mann* на слова нейтральные в отношении пола, например *stortingsmann* ‘депутат стортинга (норвежского парламента)’ → *stortingsrepresentant* (*representant* ‘представитель’).

2.5.3. Использование одних фамилий (без слов *fru* или *frøken* и/или имени): *du må snakke med Hansen* ‘тебе надо поговорить с Хансен’ (имеется в виду женщина Кари Хансен).

2.5.4. Феминистки выступают также за то, чтобы местоимение *han* ‘он’ заменялось на словочетание *han eller hun* ‘он или она’, когда местоимение мужского рода относится к множеству людей разного пола. Пример Э. Люндебю: *sjåføren må sørge for at han til enhver tid har vekslepenger*¹² ‘шофер (такси) должен заботиться о том, чтобы у него всегда была сдача’. В такого типа предложениях, настаивают феминистки, должно употребляться словочетание *han eller hun* или множественное число: *sjåførene... han eller hun..., sjåførene... de...* ‘шоферы... они ...’.

К этому пересказу наблюдений Э. Люндебю можно добавить любопытный штрих: распространенное выражение *manne seg opp* ‘взять себя в руки, набраться мужества’ (от *mann*, см. выше) получило параллельный вариант *kvinne seg opp* (от *kvinne*), употребляемый (преимущественно женщинами) о женщинах; это выражение не зарегистрировано даже в самых последних словарях.

2.6. К брутализации современной норвежской речи Э. Люндебю относит следующие явления:

2.6.1. Употребление нецензурных слов в официальных выступлениях. Он приводит, в частности, тот же пример, что запомнился автору этой статьи, когда министр экологии пять лет назад публично назвал своего британского коллегу *говнюком* (*drittsekk*). Не рискую приводить другие примеры из моей коллекции.

Проф. Люндебю выделяет в особую группу слова, являющиеся грубыми наименованиями понятий сексуальной сферы. Видимо, их правомерно отнести к этому же разряду.

2.6.2. Чертыханье. Согласно норвежскому речевому этикету, употребление слов типа *черт*, *дьявол* и т.п. примерно столь же предосудительно, как употребление нецензурных слов по-русски. Сейчас чертыханье в публичной речи встречается нередко.

3. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ФОНЕТИКИ

3.0. Целесообразно различать – и потому рассматривать порознь – изменение фонемного состава ряда типов слов, связанное с «норвегизацией», изменение инвентаря фонем, изменения в распространении вариантов фонем, а также изменения в дистрибуции фонем и тоном.

3.1. Здесь нет ни возможности, ни необходимости вдаваться в детали изменения фонемного состава слов, связанного с «норвегизацией». Отметим лишь общую тенденцию, заключающуюся в том, что ряд «традиционных» (т.е. общих для датского и норвежского) форм в большей или меньшей степени вытеснен формами специфически норвежскими. Несколько иллюстраций (для standard østnorsk – речи образованных слов населения Восточной Норвегии, прежде всего региона Осло):

3.1.1. Монофтонг → дифтонг. Процесс идет медленно и избирательно. Фактически полностью победили только две формы с дифтонгами – *stein* ‘камень’ и *øy* ‘остров’ (ср. дат. *sten*, *ø*); нередко встречается вариант *sein* ‘поздний’ (ср. *sen*). Основная же масса дифтонгических форм, которые в 1981 г. были признаны допустимыми параллельно с монофтонгическими, продолжает оставаться характерной для «радикального» варианта букмола, например (в скобках приводится распространенный нейтральный вариант): *raud* ‘красный’ (*rød*), *haust* ‘осень’ (*høst*), *leike* ‘играть’ (*leke*), *løuse* ‘освобождать’ (*løse*) и т.п.

3.1.2. *v* → *g*. И этот процесс идет медленно и избирательно. По реформе 1981 г. упразднены формы *lave* ‘изготавливать’, *have* ‘сад’, но равно допустимы *mave/mage* ‘живот; желудок’, *krave/krage* ‘воротник’ и др. Однако форма *lave* нередко слышится в речи старшего поколения, а формы *have*, *mave*, *krave* по-прежнему используются довольно многими.

3.1.3. *u* [ч] → *o* [ɔ]. Несмотря на то, что формы с [ɔ] были легализованы еще реформой 1938 г., ни одна из них не стала единственной. Правда, преобладает вариант *hogge* ‘рубить’ и производные, но форма *hugge* также встречается нередко. Другие (например *golv* ‘пол’, *dokke* ‘кукла’) остаются характерными для «радикального» варианта букмола.

Конечно, есть немало параллельных форм, различающихся по нескольким характеристикам сразу, например традиционное *kurv* ‘корзина’ – радикальное *korg*, традиционное *brudd* ‘перелом’ – радикальное *brott* и др.

3.2. Говоря об изменении инвентаря фонем, необходимо сделать предварительное замечание. У норвежского нет единой произносительной нормы, различные региональные варианты считаются равноценны-

ми. По этой причине рассмотреть все варианты с точки зрения фонетических изменений невозможно.

3.2.1. Еще несколько десятилетий тому назад в речи образованных людей различались фонемы открытое /œ:/ и закрытое /ø:/, например *dør* /dœ:r/ 'дверь' и *dør* /dø:r/ презенс глагола *dø* 'умирать'. Теперь фонема /œ:/ практически исчезла, слившись с фонемой /ø:/.

Объяснение этого явления, видимо, заключается в том, что у данной оппозиции фонем была очень небольшая функциональная нагрузка, поскольку пар с таким противопоставлением фонем в одинаковом контексте практически не было.

3.2.2. В разговорной речи (самого) молодого поколения зарегистрирована по всей Норвегии, особенно в городах, замена фонемы /ç/ фонемой /ʃ/,¹³ т.е. конвергенция данных фонем. Таким образом, например, слова *kjære* 'дорогие' и *skjære* 'резать' произносятся детьми и частью молодежи одинаково – [ʃæ:rə].¹⁴ На одном мосту в пригороде Осло несколько лет висел плакат, написанный школьниками фонетически, т.е. с умышленными орфографическими ошибками: «Sjør forsiktig» [ʃø:r fɔʃ'iktɪ] 'Езди осторожно' вместо правильного *Kjør forsiktig* [çø:r fɔʃ'iktɪ].

Характерно, что аналогичная конвергенция фонем /ç/ и /ʃ/ уже давно произошла в немецких диалектах Верхней Саксонии, ср. литератур. нем. *Geschichte* [gəʃ'ɪçtə] 'история' и диалект. сакс. [gəʃ'ɪftə]. В настоящее время подобный процесс наблюдается также в Швеции.

Объяснение этому феномену то же, что и в предыдущем случае. К тому же фонема /ç/ усваивается норвежскими (и шведскими) детьми одной из последних, т.е. является одной из наиболее трудных для артикуляции (некоторые дети не овладевают ею до поступления в школу, т.е. до семилетнего возраста, а 10–15% затрудняются произносить ее до 9-го класса).

3.2.3. Еще несколько веков тому назад из древненорвежского сочетания фонем /-rð-/ развился звук, называемый норвежскими фонетистами «толстым l» (*tykk l*). Фонетически он обозначается как [l̥] (в нашем «Русско-норвежском словаре»¹⁵ используется знак [l̥]). Этот редко встречающийся в языках звук артикулируется следующим образом: кончик языка поднимается к твердому нёбу, а затем резко опускается вниз. На слух «толстое l» напоминает однораскатное /r/. Впоследствии «толстое l» заменило в ряде позиций обычное /l/, т.е. приобрело достаточно широкую, хотя и специфическую дистрибуцию.

«Толстое l» распространено только в Восточной Норвегии и Трёнделаге (Средняя Норвегия). Поскольку в речи жителей названного реги-

она встречаются минимальные пары с оппозицией [l] – [ɫ], следует признать этот звук самостоятельной фонемой /ɫ/.

До самого недавнего времени у «толстого l» был весьма своеобразный статус. Этот звук был характерен только для разговорного стиля и просторечия, и стилисты единодушно осуждали его использование в нейтральном – и тем более официальном – стиле. Следует особо подчеркнуть, что такой статус фонемы – явление достаточно редкое. Разумеется, существует корреляция между степенью радикальности формы и употреблением «толстого l». Так, естественно произнести ['ɛlvən] 'река' (форма с суффицированным артиклем общего рода, см. ниже) и ['æɫva] (форма с суффицированным артиклем женского рода; /ɛ, e:/ перед /ɫ/ расширились в /æ(:)/).

В результате названной выше демократизации современного норвежского языка «толстое l» теперь довольно широко употребляется в речи, также в тех речевых ситуациях, в каких его ранее избегали.

Следует, впрочем, отметить, что «толстое l» и прежде sporadически встречалось в официальной речи, когда говорящий, особенно политический деятель, старался придать своей речи народный характер (у некоторых из них, выходцев из рабочих или крестьянских семей, это, возможно, происходило непреднамеренно: они просто сохраняли свое естественное произношение; определенную аналогию можно усмотреть в окании некоторых русских, образованных и достигших высокой ступени в социальной иерархии, как, к примеру, Максима Горького). Так, весьма популярный в первые послевоенные годы премьер-министр Эйнар Герхардсен, в молодости рабочий коммунального хозяйства, выдвинул нашедший в народе широкий отклик лозунг, который он произнес на ослоском просторечии: ['he:lə 'fɔɫkə i 'arbə!] = литерат. *Hele folket i arbeid!* ['he:lə 'fɔlkə i 'arbæi(d)!] – досл. 'Весь народ в труде!', т.е. 'Каждый должен трудиться!'.

По нашим наблюдениям, в последнее время «толстое l» звучит – особенно в речи молодежи – значительно чаще.

3.3. Следует отметить изменение в распространении (факультативного) варианта фонемы /ɫ/. Несколько расширился ареал распространения увулярного /R/, характерного для юго-запада Норвегии.¹⁶

3.4. Появились изменения в дистрибуции фонем. Еще в начале нашего столетия произношение [ɫl-] в начале слова считалось нелитературным, а в середине слова – просто вульгарным. Сейчас произношение [sl-] в начале слова практически не встречается (в В. Норвегии), ср. *slå*

[jɔ:] ‘бить’, slik [ʃli:k] ‘такой’. В середине слова произношение исторического *-sl-* колеблется. В общем, старшее поколение образованных людей произносит [-sl-], например Oslo [ʊslu], тогда как остальные – преимущественно [-ʃl-], например [ʊʃlu]. Играет роль и характер лексемы. Книжные и нейтральные слова произносятся чаще с [-sl-], разговорные и сниженные – с [-ʃl-], например veksle [ˈvekslə] ‘менять’, но rusle [ˈrʊʃlə] ‘идти не торопясь’. Однако произношение [-ʃl-] на стыке морфем (Rusland [ˈrʊʃlan], husleie [ˈhʉ:ʃlæiə] ‘квартплата’) и по сей день считается просторечным.

3.5. Кроме фонемных изменений, есть изменения и в дистрибуции тоном. Заимствования, как правило, за исключением некоторых типов, имеют тонему 1. Однако при освоении их они могут приобретать тонему 2. Характерный пример: заимствованное из английского слово *football* ‘футбол’ произносится теперь большинством с тонемой 2.

Об изменении тоном в сокращениях см. 4.3.3.

4. ИЗМЕНЕНИЯ В ОБЛАСТИ ГРАММАТИКИ

4.1. Изменения в морфологии.

4.1.1. Важнейшее изменение в этой области – увеличение количества слов, употребляемых со специфическим показателем женского рода, т.е. суффиксированным артиклем *-a* (см. 1.1.). Если ранее с этим показателем употреблялись преимущественно слова разговорные (типа *jåle* ‘ломака’, *bikkje* ‘пес(ик)’) или обозначающие норвежские реалии либо понятия крестьянского быта (*bygd* ‘селение’, *ku* ‘корова’), то теперь показатель женского рода употребляется многими (но далеко не всеми!) и в нейтральном стиле, однако не с книжными существительными, генетически относящимися к женскому роду (ср. приведенный в разделе 1.1. пример *bøtta*, но *dronningen*). Характерно, что при этом специфический неопределенный артикль женского рода (*ei*) употребляется значительно реже, например многие говорят *gata* (форма существительного *gate* ‘улица’ с суффиксированным определенным артиклем), но *en* (не *ei*!) *gate* (то же с неопределенным артиклем).

Сходное положение и со специфическими формами женского рода притяжательных местоимений: в постпозиции они обязательны, если существительное употреблено с артиклем женского рода (так!), но в препозиции (в этом случае существительное стоит без артикля) большинство использует форму общего/мужского рода, например говорят *boka mi* ‘моя книга’, но *min* (не *mi*!) *bok*.

Еще в 1921 г. Эуг. Вестерн писал, что формы женского рода не являются приобретением для языка, ибо «вне сомнения только два рода предпочтительнее, чем три», но что формы женского рода закрепятся за некоторым количеством употребительных слов, хотя это и не будет последовательно проведенный грамматический род.¹⁷ Действительность подтвердила его прогноз. Формы женского рода экспандируют, все больше проникая в нейтральный стиль. Это сложный и неравномерно протекающий процесс. Интересующиеся отсылаются к специальной работе.¹⁸

4.1.2. Изменение слов среднего рода. Здесь важны два момента.

4.1.2.1. По нынешнему общему правилу, в букмоле все существительные среднего рода (если они не оканчиваются на -е) во множественном числе *могут* иметь нулевое окончание, или, иными словами, у них в обоих числах может быть одинаковая форма: *hus* 'дом; домá', *fakultet* 'факультет; факультеты'. На деле же значительная (видимо, бóльшая) часть говорящих образует множественное число так же, как и раньше: односложные существительные среднего рода не имеют окончания, существительные среднего рода из двух и более слогов получают, как правило, окончание -er (как существительные мужского/женского (общего) рода: *hus*, но *fakulteter*). Естественно, немало случаев колебаний.

4.1.2.2. По правилам 1981 г. (восходящим к реформе 1938 г.) все существительные среднего рода *могут* иметь во множественном числе суффиксированный артикль -a (совпадающий с суффиксированным артиклем единственного числа женского рода): *husa*, *fakulteta*. Реально же говорящими на *standard østnorsk* этот артикль используется без исключений только с двумя существительными среднего рода – *barn* 'ребенок' и *be(i)n* 'нога' (*barna*, *be(i)na*); часто так же оформляется существительное *år* 'год'. В остальном можно утверждать, что формы типа *problema*, *universiteta* – при всех индивидуальных отклонениях – употребляются мало.

4.1.3. Заметно увеличилось число случаев, когда употребляется существительное без артикля (по норвежской грамматической терминологии «голое существительное»). Не вдаваясь в детали, приведем примеры на некоторые типы структур, в которых еще несколько десятилетий назад артикль был обычен: *han skriver bok* 'он пишет книгу'; *han er pasjonert teatergjenger* 'он страстный театрал'; *kort stempler i automat* 'проездные билеты компостировать в автомате' и др.

4.1.4. Относительно глагола можно отметить следующее:

4.1.4.1. Факультативные показатели -a/-a претерита и причастия II слабых глаголов I класса, хотя и приводимые в нормативном словаре при

каждом из них (см. выше 1.2.1.), реально используются мало, преимущественно в сниженном стиле.

4.1.4.2. Приглагольная частица *opp* все больше используется как формальный признак перфективизации; в некоторых случаях она фактически плеонастична, ср. *stanse, stoppe* ‘останавливаться’ – *stanse opp, stoppe opp* (значение то же), например: *trafikken stanset/stoppet opp* ‘(уличное) движение остановилось’.

4.2. Изменения в синтаксисе.

4.2.1. Важнейшее изменение в синтаксисе за последние десятилетия состоит в глобальном упрощении структуры предложения. Это, конечно, является следствием демократизации речи, приближения письменной речи к устной. Все норвежские пособия по практической стилистике неустанно призывают к максимальному упрощению синтаксических структур, в частности к замене по возможности сложноподчиненных предложений сложносочиненными, разделению длинных предложений на короткие, замене пассивных конструкций активными и т.д.

4.2.2. Постепенно проникает в речь на букмоле так называемый *garregonitiv* (от существительного *gar* – клички ганзейских купцов в Бергене в средние века) – конструкция с возвратно-притяжательным местоимением, эквивалентная по значению родительному падежу, например, *Knut sitt hus* – досл. ‘Кнут свой дом’, т.е. ‘дом Кнута’. Конструкция эта широко распространена в западно-норвежских диалектах и, естественно, в «новонорвежском», но в букмоле избегается; впрочем, сочетание *hvem sin...* ‘чей’ стало в букмоле вполне употребительным за последнее время (форма *hvis* считается книжной, а форма *hvems* – просторечной).

Garregonitiv возводят к аналогичной нижненемецкой конструкции (откуда и название). Эта же конструкция представлена в ряде германских языков (например, фризском, африкаанс), особенно их диалектов (нидерландских, немецких и др.). Ее аналогом является тюркский *изафет*.

4.2.3. В норвежском языке в последние десятилетия широкое распространение получило явление, которое мы называем «скрытым» родительным падежом. Это – первый элемент определительной конструкции, в которой определяющее – топоним – не имеет генитивного показателя (-s), но которая тем не менее обладает всеми остальными признаками генитивной конструкции, а именно: определяемое существительное не имеет артикля, а эвентуальное прилагательное стоит, как в позиции после существительного в родительном падеже, в слабой форме, например, *Oslo Nye teater* ‘Новый театр Осло (название)’, ср. обычную генитивную конструкцию *Oslos nye ordfører* ‘новый мэр Осло’. В названиях совре-

менных учреждений, объединений, предприятий, магазинов и т.п. используется только «скрытый» родительный падеж. О том, что это относительно новое явление, свидетельствует тот факт, что в старых названиях этого типа по традиции сохраняется обычный родительный падеж, ср., например, с одной стороны, современные названия в районе Руделёкка (Осло): Rodeløkka Fysikalske institutt ‘Физиотерапевтический центр Р.’, Rodeløkka Rensesenter ‘Химчистка Р.’ и аналогичные, а также более старые (с показателем -en общего рода, см. 4.1.) Rodeløkken Bil- og Karosseriverksted ‘Автомобильная и кузовная мастерская Р.’, Rodeløkken Kafé ‘Кафе Р.’, с другой – два старых названия: Rodeløkkens Maskinverksted & Jernstøperi A/S ‘Механическая мастерская и Плавильня Р.’ и Rodeløkkens Treskofabrik ‘Производство деревянных башмаков Р.’

4.2.4. Поскольку предлог имеет грамматическое значение, уместно рассмотреть его в разделе о синтаксисе. Заслуживают внимания две детали.

4.2.4.1. Первая касается употребления предлогов *i* ‘в’/*på* ‘на’ при названиях городов. Согласно правилам, приводить которые полностью нет необходимости, с названиями небольших городов, не расположенных на побережье, употребляется предлог *på*: *på* Namar, *på* Røros, *på* Lillestrøm, *på* Kongsvinger и т.п. Отмечается явная тенденция к замене предлога *på* на предлог *i* с названиями некоторых городов, особенно в речи самих жителей этих городов: предлог *i* как бы престижнее, употребление его словно переводит город из разряда небольших и провинциальных в разряд более крупных. Так, с названием города Moss (Мосс, Юго-Восточная Норвегия) теперь используется (и не только местными жителями) предлог *i*, хотя до сих пор в ходу три фразеологизма, в которых фигурирует сочетание ... *på* Moss. Это же относится к месту проведения последних Зимних Олимпийских игр (*på/i* Lillehammer), к названию города Namar и др. В «Норвежском топонимическом словаре», где, в частности, указывается предлог, с которым употребляется то или иное название, о населенном пункте Вого (Vågå, Центральная Норвегия) сказано: ... Предлог *på* (в речи молодого поколения *i*) ...¹⁹

Это явление представляется связанным с процессом речевого украшения, описанным выше (2.4).

4.2.4. Наблюдается процесс экспансии одних предлогов за счет других. Наиболее экспандирующим предлогом является названный выше предлог *på*, используемый теперь в ряде значений, ранее ему не свойственных (например, *professor på universitetet*, ранее ...*ved*... ‘профессор

университета'; begynnelsen på arbeidet 'начало работы', ранее ...av...; på slutten 'в конце', ранее ...i; и др.).²⁰

4.3. Изменения в словообразовании.

4.3.1. Самая значительная инновация в этой области — это возникшее сравнительно недавно так называемое обратное («ретроградное») словообразование. Под этим термином понимается образование сложных глаголов от сложных существительных путем отсечения у последних субстантивного суффикса (и, естественно, смены парадигмы, а в отдельных случаях и присоединения глагольного суффикса), например røntgenbehandling 'лечение рентгеном' → røntgenbehandle 'лечить рентгеном'; børskrakk 'биржевой крах' → børskrakke 'потерпеть биржевой крах'; støvsuger 'пылесос' → støvsuge 'обрабатывать пылесосом; разг. пылесосить'; filmdebut 'дебют в кино' → filmdebutere 'дебютировать в кино' и т.д. Реже встречаются обратные образования от сочетаний «глагол + предлог + существительное»: hoppe i plastbakke 'прыгать (на лыжах) с трамплина с пластмассовым покрытием' → plasthoppe; kvalifisere seg til OL 'пройти отборочные соревнования для участия в Олимпийских играх' → OL-kvalifisere seg.²¹

4.3.2. Расширилось использование конверсии для образования отглагольных существительных (со значением действия или результата), например søke 'искать' → søk 'поиск(овые работы)'; dykke 'погружаться в воду, нырять' → dykk 'погружение в воду (водолаз, аквалангиста)'; styrte 'падать (о самолете и т.п.)' → sturt 'падение'; skrive 'писать' → skriv 'официальное письмо, документ' (ср. rundskriv 'циркуляр') и т.д.

4.3.3. Как и во многих языках, очень широкое распространение за последние десятилетия получили в норвежском языке разного рода сокращенные слова.

Аббревиатура — достаточно хорошо известное и подробно описанное явление, и поэтому нет нужды долго на нем задерживаться. Отметим лишь норвежскую специфику.

Двусложные алфавитные аббревиатуры (те, в которых звучит алфавитное название буквы) произносятся теперь с тонемой 2: FN ['ɛf:ɛn] 'ООН', UD ['u:de] 'МИД', TV ['te:ve] 'телевидение; телевизор' и т.п. Впрочем, многие представители старшего поколения продолжают произносить слова подобного рода с ударением на втором слоге и, естественно, тонемой 1.²²

Значительно возросло число усеченных слов. Усеченный вариант — это чаще всего начальный элемент слова (по-норвежски слова такого типа называются hodeord 'слова-головы'), но нередко и последний (haleord

‘слова-хвосты’): mikrofon ‘микрофон’ → mikk, temperatur ‘температура’ → temp, personlig rekord ‘личный рекорд’ → pers, diskvalifisere ‘дисквалифицировать’ → diske, deprimert ‘в депрессии’ → deppa, paranoia ‘паранойя’ → noia, Vinmonopolet ‘винная монополия; винный магазин’ → Polet и т.п.²³

В последние десятилетия стали широко использоваться морфемные сокращения, т.е. сочетания усеченных/неусеченных слов с усеченными/неусеченными словами, например: ellok (= elektrisk lokomotiv) ‘электровоз’; språklab(b) (= språklaboratorium) ‘лингфонный кабинет’ и др.

Относительно новое явление – телескопические слова, число которых непрерывно увеличивается. Примеры: tastafon (< tastatur ‘клавиатура’ + telefon) ‘кнопочный телефон’; шуточные svorsk (< svensk ‘шведский’ + norsk ‘норвежский’) ‘норвежский со множеством шведских вкраплений’; dromedille (< dromedar ‘одногорбый верблюд’ + krokodille ‘крокодил’) ≈ ‘неудачный гибрид, помесь кота с велосипедом’ и т.п.²⁴

5. ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

5.1. Самое значительное изменение в норвежской лексике последних десятилетий – это, конечно, колоссальное обогащение словарного состава, связанное с развитием науки, культуры, изменением социальных отношений и т.д. К примеру, только терминология, связанная с электронно-вычислительной техникой, насчитывает многие сотни единиц. Этот процесс свойствен большинству современных языков, особой норвежской специфики в нем, на наш взгляд, нет, так что можно ограничиться констатацией факта.

5.2. Распространение в букмоле «общенорвежских» форм. Последним термином называют лексемы, отсутствовавшие в датско-норвежском и вошедшие в букмол из «новонорвежского». Это – следствие специфического норвежского пуризма (см. 5.3).

5.3. Пуризм. Возможны две пересекающиеся классификации типов пуризма.²⁵

а) По степени охвата языкового материала различаются пуризм глобальный, направленный против иностранных слов любого происхождения, и пуризм избирательный, направленный против какого-либо одного языка.

б) В зависимости от того, направлена ли пуристическая деятельность против единиц, уже укоренившихся в языке, либо на наименование понятий, еще не получивших в языке обозначения, различаются соответ-

ственно пуризм изменительный и пуризм охранительный. Для букмола характерен прежде всего избирательный изменительный пуризм, а именно постепенная замена слов датского происхождения со словообразовательными формативами, не свойственными норвежскому языку. Ср. датско-норвежские формы, вытесненные в последние десятилетия или вытесняемые норвежскими (указаны справа от стрелки): *ansøkelse* 'заявление' → *søknad*; *omkostning* 'расход' → *kostnad*; *unntagelse/unntakelse* 'исключение' → *unntak*; *stavelse* 'слог' → *staving*; *skrivelse* 'официальное письмо, документ' → *skriv*; *benytte* 'использовать' → *nytte* и др.

Как и подавляющее большинство современных европейских языков, норвежский страдает «английской болезнью» – испытывает сильнейшее воздействие английского (американского). В него вошло значительное количество английских заимствований. Изменительный пуризм проявляется в том, что обычно сначала заимствуется английская лексема, а затем она заменяется норвежской, например (слева приведено английское слово): *feedback* 'обратная связь' → *tilbakemelding*; *printer* 'принтер' → *skriver*; *boardingcard* 'посадочный талон' → *ombordstigningskort* и т.п. Впрочем, такой замене подверглась лишь небольшая часть английских заимствований. Очень много также калек с английского, например: *skuggeregjering* (англ. *shadow cabinet*) 'теневое правительство'; *het linje* (*hot line*) 'горячая линия'; *ferdskriver* (*flight recorder*) 'черный ящик (авиа)', – немало калек разговорных единиц, например: *det er opp til deg* (*it's up to you*) 'твое дело, тебе решать'; *sitte på gjerdet* (*sit on the fence*) – досл. 'сидеть на заборе', т.е. 'занимать выжидательную позицию' и т.п.

Норвежский выделяется среди других европейских языков тем, что многие освоенные иностранные слова со временем начинают писаться в соответствии с норвежской орфографией, т.е. транскрибируются (это в первую очередь относится к словам французского происхождения), ср. (в скобках указано написание на языке-источнике, оно же первоначальное норвежское): *sjåfør* (фр. *chauffeur*) 'шофер'; *sjanger* (фр. *genre*) 'жанр'; *roeng* (фр. *point*) 'очко'; *tøff* (англ. *tough*) 'жесткий; грубый' и др. В 1996 г. «Норвежским языковым советом»²⁶ был предложен новый список (несколько десятков) таких орфографических замен, например: *gaid* (вм. *guide*) 'гид', *hedde* (вм. *heade*) 'забивать гол головой', *sjampanje* (вм. *champagne*) 'шампанское', *sjåk* (вм. *choke*) 'воздушная заслонка, подсос (авто)', *sørgvis* (вм. *service*) 'сервис' и др. Эти предложения встретили у многих резко негативную реакцию.

5.4. Ряд других лексических процессов: эвфемизация речи, речевое украшательство, употребление модных слов, «языковой допинг» и др. – был описан в разделе 2.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многие процессы, которые произошли в норвежском языке за последние десятилетия, характерны и для других языков. Наиболее интересны те изменения, которые специфичны именно для него.

Усилия нормализаторов норвежского языка (повторим, руководствовавшихся благими намерениями) привели фактически к ликвидации сколько-нибудь четкой нормы. Нет европейского языка, который бы характеризовался подобной многовариантностью. Пример Норвегии показывает, к каким результатам может привести языковое планирование.

Но к такому примеру можно подойти и с другой стороны и задать еретическим вопросом: а так ли уж необходима четкая языковая норма? Может быть, многовариантность и не столь уж большое зло? А что если допустимость разных вариантов, напротив, благо?

Всякое новшество в языке – нарушение принятой нормы. Мы привыкли считать, что любое отступление от нормы недопустимо, что оно – свидетельство недостаточной грамотности (и следовательно, по мнению многих, ущербности) говорящего/пишущего, и не задумываемся над тем, бесспорно ли это.

Будущее покажет, так ли уж плох пример Норвегии.

Примечания

¹ Названия *букмол* (дословно ‘книжный язык’) и «*новонорвежский*», конечно, никак не отражают сути явлений. Букмол – совсем не только язык письменных текстов, как раз «новонорвежский» – книжный язык, поскольку на нем пишут те, кто в подавляющем большинстве вне официальной среды говорит на диалекте.

² *Askedal J.O.* Den «gamle» og den «nye tellemåten» // *Ordet*. 1997. Nr. 3. S. 29–31; *Lauritsen V.* Den nye teljemåten – meir forvirring? // *Språknytt*. 1996. Nr. 3. S. 5–7.

³ *Fossestøl B., Sandvei M.* Tanums store rettskrivningsordbok. Bokmål. Oslo, 1989; *Tanums store rettskrivningsordbok*. Bokmål / Revidert av Boye Wangensteen. Oslo, 1996.

⁴ Термин *риксмол*, как сказано выше, в настоящее время не является официальным. Однако так называют консервативный вариант букмола его приверженцы.

⁵ *Lundeby E.* Intimisering og brutalisering // *Maal og Minne*. 1995. Nr. 1–2. S. 35–44.

⁶ *Ibid.* S. 39–40.

⁷ *Берков В.П.* Норвежская лексикология. СПб., 1994. С. 137; *Berkov V.* Norsk ordlære. Oslo, 1997. S. 160.

⁸ *Lundeby E.* *Op. cit.* S. 40–41.

⁹ *Ibid.*

- ¹⁰ *Svenkerud H.* Språklig doping // *Språknytt*. 1989. Nr. 3. S. 1–4.
- ¹¹ *Lundeby E.* Op. cit. S. 43–44.
- ¹² *Ibid.* S. 42.
- ¹³ *Papazian E.* 1) Skal det være noe vindus-skitt? Om sammenblanding av sje- og kje-lydene blant barn og ungdom // *Språknytt*. 1994. Nr. 2. S. 1, 3, 17; 2) Om sje-lyden i norsk, og ombyttinga av den med kje-lyden // *NORSKRIFT*. 1994. Nr. 83.
- ¹⁴ В норвежском языке ударение динамически-тоническое. Тонема 1 обозначается акутом (´), тонема 2 – грависом (˘).
- ¹⁵ *Берков В.П.* Русско-норвежский словарь. М., 1987; *Berkov V.* Russisk-norsk ordbok. 2. utg. Oslo, 1994.
- ¹⁶ *Foldvik A.Kj.* Spredning av skarring i Norge i løpet av om lag 70 år // *Norsk Lingvistisk Tidsskrift*. 1988. Nr. 1–2. S. 55–61.
- ¹⁷ *Western A.* Norsk riksmålsgrammatikk for studerende og lærere. Kristiania, 1921 (факсимильное переиздание 1975). S. 397.
- ¹⁸ *Берков В.П.* О статусе грамматического женского рода в современном букмоле: (К вопросу о языковом планировании) // *Скандинавские языки: Актуальные проблемы грамматической теории*. М., 1984. С. 43–58.
- ¹⁹ *Sandnes J., Stemshaug O.* Norsk stadnamleksikon. Oslo, 1976. S. 349.
- ²⁰ О расширении употребления предлога på см.: *Prytz C.F.* Vokale preposisjonsbruk // *Språknytt*. 1994. Nr. 2. S. 16; *Svar fra Norsk språkråd* // *Ibid.* S. 17.
- ²¹ Подробнее см.: *Берков В.П.* Норвежская лексикология. С. 148–149; *Berkov V.* Norsk ordlære. S. 172–173.
- ²² Там же. С. 142; *Ibid.* S. 170–171.
- ²³ Там же. С. 146–148; *Ibid.* S. 168–170.
- ²⁴ Там же. С. 142–143; *Ibid.* S. 165.
- ²⁵ *Berkov V.* De nordiske språkene og purismen // *Maal og Minne*. 1992. Nr. 1–2. S. 27–36; *Берков В.П.* Норвежская лексикология. С. 71–73; *Berkov V.* Norsk ordlære. S. 90–92.
- ²⁶ «Норвежский языковой совет» (Norsk språkråd) – учрежденный в 1972 г. государственный консультативный орган. В его задачи входит: нормирование языка, контроль над языком учебников, терминологическая работа, регистрация новых слов и др.

Valerij Berkov
Nytt i norsk

I artikkelen behandles de endringene i norsk som har funnet sted i de siste årene.

Først analyseres dagens språksituasjon i Norge. Forfatteren vurderer resultatene av den norske språkplanleggingen og den «språkfreden» som skal råde i Norge nå for tiden.

I neste avsnitt behandles forskjellige forandringer i ususen. Det er intimisering, bruk av evfemismer, språkforsiring m.m.

Blant forandringene i fonetikken analyseres særskilt endringene i lydsammensetningen i noen ordtyper og endringene i lydinventaret.

Videre redegjøres det for novasjoner i morfologi og syntaks.

Siste avsnitt er viet endringene i ordforrådet.